

О.И. Шкаратан

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Экономические реформы в России и странах Балтии, так же как и в Центральной и Восточной Европе, начинались с лозунга «Назад в Европу». И элита всех этих стран, и большинство населения, а особенно интеллигенция, были твердо убеждены в том, что к этому приведут энергичные либеральные реформы. Последствия применения одной и той же стратегии транзита по-разному сказались на развитии стран Центральной и Восточной Европы, а также бывшего СССР, отказавшихся от организации общества и экономики по советскому образцу. В чем же причины различных последствий одних и тех же преобразований? Да и были ли они одними и теми же на деле?

На разных исторических этапах и тем более в наше время существовали и существуют одновременно разнообразные социально-экономические формы, развивавшиеся в контексте различных культур. Советское общество, так же как и современное российское, это некая данность с особой институциональной структурой и системой ценностей, относящимися к особому типу цивилизации. Исторические корни современного российского порядка уходят в многовековую историю страны — носительницы евроазиатской православной цивилизации, не знавшей устойчивых институтов частной собственности, рынка, правового государства, гражданского общества.

Введение

Существующее ныне в мире разнообразие линий общественного развития в конечном итоге основывается на различиях двух доминирующих типов цивилизации, которые условно можно именовать «европейским» и

«азиатским»). Первая идет от античного полиса, это цепочка обществ, которые характеризуются частной собственностью, балансом отношений «гражданское общество — государственные институты», развитой личностью и приоритетом ценностей индивидуализма. Второй тип исторически связан с азиатскими деспотиями, доминированием государственной собственности, всевластием государственных институциональных структур при отсутствии гражданского общества, подданством, приоритетом общинных ценностей при подавлении индивидуальности в отношениях. В мировой истории пространственно и во времени преобладал этот тип цивилизации. Именно в тех странах, где исторически доминировала эта вторая, не европейская линия развития, в середине XX века установился советский этакратизм, поименованный «реальным социализмом».

И Б. Рассел (он, по-видимому, был первым), и М. Джилас, и многие другие обращали внимание на сходство сущностных черт так называемого советского социализма и той системы, которую К. Маркс называл «азиатским способом производства», а современные нам исследователи предпочитают (и с полным на то основанием) именовать «государственным способом производства». Отсылаю в этой связи к работам наших отечественных авторов (Васильев 1982; Васильев 1994: 13–48; Нуреев 1989; Нуреев, Рунов 2002). Сходство действительно обескураживающее.

Россия относится к евразийской цивилизации, которая существенно отличается от европейской (атлантической) модели по институциональной структуре и системе ценностей. В отличие от стран Центральной и Восточной Европы, а также Балтии постсоветская Россия, как, впрочем, и ее восточные соседи, после значительных колебаний исторического маятника осталась по существу тем, чем она была в советские годы. В современной России сохранился в преобразованном виде этакратизм с присущими ему слитными отношениями «власть-собственность», которые получили частно-собственническую оболочку, но по существу остались неизменными. В этой социально-экономической системе сложился и своеобразный тип социальной стратификации, который представляет собой переплетение по-прежнему доминирующей сословной иерархии, определяемой рангами во властной структуре, и элементов классовой дифференциации, задаваемой владением собственностью и различиями по месту на рынке труда (Шкаратан 2004).

Исторически сложившиеся тенденции развития страны объясняют, почему именно в России на собственной национальной почве, не привнесенный извне, в 1917–1920 гг. победил режим, сломивший буржуазное, собственническое общество, складывавшееся в стране, приведший к торжеству этакратической (неоазиатской) линии развития. Характер сложившихся тенденций развития страны помогает понять, почему большевизму пришлось прибегнуть к уничтожению десятков миллионов людей для «строительства социализма», а на деле ради торжества этатистской линии развития. Длительный период существования этакратического общества во многом определил пути развития форм жизнедеятельности в советской и современной России. С одной стороны, возрастающая глобализация мировых экономических и общественных процессов, современный уровень развития средств массовой коммуникации не могли не привести к присвоению этакратическим обществом новейших форм и достижений цивилизации (это касается организации городского пространства, транспорта, архитектурных решений, элементов со-

циального обслуживания и др.). В то же время разрыв социально значимых горизонтальных связей, неразвитость инфраструктуры личностного развития, отсутствие права на свободный выбор моделей жизни, деприватизация практически всех сторон жизнедеятельности привели к воспроизводству среднетипических, «усредненных» индивидов.

Особый тип социально-экономических отношений: государственная собственность, сословная система

До середины XIII века, т. е. до монгольского нашествия, Русь была типичным европейским раннефеодальным обществом. Власть распределялась между князьями, боярством, церковью и городскими вече. Постепенно складывались нормальные социально-экономические отношения с частной собственностью, зависимым крестьянством, растущими городами с сильным купечеством и развитым ремеслом.

Представляется существенным принять во внимание концепцию Ю. Пивоварова и Ф. Фурсова, согласно которой системообразующим элементом русской истории выступает «Власть — не политическая, государственная или экономическая, а Власть как метафизическое явление. Власть вообще. Она рушилась всякий раз, когда приобретала слишком много государственных, политических или классовых черт. Она рушилась и рушила все вокруг себя, как только начинала преобразовывать русскую реальность на несоответствующий этой реальности западный манер — буржуазный или антибуржуазный...» (Пивоваров, Фурсов 1999а: 188–189). По их мнению, такие властные отношения — результат влияния ордынского господства на Русь. Именно Орда принесла на Русь принцип: «Власть — все, население — ничто»; Власть — единственно значимый социальный субъект (Ibid: 189–190). Получается, что ордынское нашествие как бы изменило национальный генетический код с европейского на какой-то иной. «... Ордынское иго не просто изменило властные отношения на Руси — оно выковало, вылепило принципиально нового, невиданного доселе в христианском мире субъекта-мутанта.

Дело в том, что в домонгольской Руси власть была рассредоточена между углами четырехугольника: князь — вече — боярство — церковь. ... ни в одном случае князь не был единственной властью — Властью с большой буквы, и в целом ситуация была похожа на европейскую.

... Проблему решила Орда. Именно ее появление обеспечило тем князьям, которые шли на службу ордынскому ордынцу — Александру Невскому, а затем московским Даниловичам, — ту “массу насилия”, которая обесценивала властный потенциал боярства и вече» (Пивоваров, Фурсов 1999а: 182–183).

Именно ордынская система на смену формировавшемуся, но еще не сложившемуся феодальному классовому обществу Киевской — Новгородской Руси привела вместе с азиатской деспотией и азиатский (государственный) способ производства, и рыхлую бесклассовую социальную структуру социума без частной собственности, без социальных групп собственников. Именно на этой исторической почве и сформировался сословный строй, сословный порядок как отличительная институциональная и стратификационная система Московской Руси — царской России.

Выдающемуся русскому историку В.О. Ключевскому было очевидно, что

по типу социальных отношений средневековая Русь — Россия относится к сословной системе. Вот как он определял понятие «сословия» в своей «Истории сословий в России»: «Сословием мы называем классы (“класс” для него здесь просто синоним понятия “группа”), на которые делится общество по правам и обязанностям, учрежденным верховной властью». И далее: «Сословное деление существенно юридическое, устанавливается Законом в отличие от других общественных делений. Это, в первую очередь, юридическое, а не, скажем, этническо-религиозное или экономическое деление. Принадлежность к сословию передается по наследству, но не строго, что способствует относительной открытости данной системы» (Ключевский 1918: 79).

Совершенно очевидно качественное отличие этой системы отношений, с всесилим верховной власти, неурегулированностью отношений собственности законодательством, размытостью обязанностей и т.д., от западно-европейской феодальной — с ограниченными законом правами верховной власти, символизирующей волю государства. Поэтому никак нельзя согласиться с теми авторами, которые относят к развитым сословным системам в равной степени феодальные западноевропейские общества и средневековую Россию. Западноевропейское общество в его зрелом состоянии, с феодами и закрепленной частной собственностью, является, скорее, видом классового общества, а не сословного.

Как справедливо отмечает (вслед за Г.В. Плехановым) современный российский институционалист А.А. Аузан, крепостничество — совсем не то же, что поземельная феодальная зависимость в Западной Европе. Феодальная зависимость строится на том, что крестьянин владеет наделом и за это несет обязанности. В России же крестьянину не надо было обменивать свою свободу на владение землей, свободных земель было в достатке. Поэтому происходило обратное. Не земля закреплялась за крестьянином, а он за землей. Очевидно, что «эта схема вообще не работает как экономическая схема. Если не будет постоянно присутствовать принуждение государства, у крестьянина нет стимула оставаться — его нужно удерживать».

Аузан также напоминает, как формировалась Московская Русь — на сугубо военно-поместных отношениях, без торгово-ремесленных структур, столь органичных для Киевско-Новгородской Руси. Поэтому не случайно, что «...злейшим врагом для Московского государства стал Новгород». Его уничтожали несколько раз под корень, «потому что это было антитело». Ни вечевых городов, ни городских республик не осталось (Аузан 2004: 19–20).

Напомним столь определяющую для судеб народа составляющую его исторического развития, как история отношений собственности. Как и всюду на Востоке, со времен Золотой Орды, на Руси, а позднее в Российском государстве отдельный человек не мог быть собственником, а мог быть лишь владельцем. Верховным собственником, прежде всего земли, и высшей абсолютной властью над подданными являлось государство, которое стало со времен Ивана Грозного типичной деспотией, а все подданные оказались в состоянии поголовного рабства.

Лишь во второй половине XVIII в. возникла частная собственность на землю и другое имущество наряду с гражданскими правами для привилегированного дворянского меньшинства. В 1762 г. император Петр III издал указ, по которому дворяне были освобождены от обязательной службы с сохранением прав на землю. Но этот документ не внес полной определенности

в статус земли и работавших на ней крестьян (до того находившихся в собственности государя). Тем не менее, можно считать, что с этого времени в России появился класс свободных подданных, не зависевших от государства. В 1765 г. Екатерина II своим Указом объявила владельцев поместий вне зависимости от наличия документальных подтверждений *de jure* собственниками земель. Наконец, в 1785 г. императрица подписала знаменитую Жалованную грамоту дворянству, по которой «благородное российское дворянство» получило в полную и неотчуждаемую собственность свои владения, т. е. земли, заселенные крестьянами. Произошло это на шесть столетий позже, чем в Англии. Само понятие «собственность», введенное Жалованной грамотой, вошло в обиход, к примеру, в Германии еще в первой половине XIII в. Грамота декларировала «вольность и свободу дворян», добровольный характер их службы государству.

В том же 1785 г. Екатерина II подписала Жалованную грамоту городам. Горожане были разделены на два сословия купцов и мещан. И те, и другие могли владеть и пользоваться движимой и недвижимой собственностью (Пайпс 2000: 248–249, 251; Миронов 2000). Что же касается основной массы населения — крестьянства, то их превращение в собственников обрабатываемой ими земли так и не завершилось вплоть до 1917 г. (Собственность на землю 2002). Как пишет Б.Н. Миронов: «Как известно, в русской деревне земля принадлежала общине, и все ее члены пользовались ею на равных основаниях, производственная деятельность каждого осуществлялась по общему плану, который принимался на общем собрании крестьян. Начиная с 1861 года, сокровенным желанием крестьян была конфискация всех помещичьих земель и передача их в общинную собственность, а после столыпинской реформы — “черный передел”, т. е. экспроприация всех частновладельческих земель — и помещичьих, и выделившихся из общины крестьян — в пользу крестьянской общины». К этому автор добавляет (и подчеркивает свое суждение): «...крестьянская концепция справедливого общественного устройства и способов ее достижения была привнесена в город крестьянами и, естественно, усвоена рабочим классом» (Миронов 2000, Т. I: 344).

В целом можно сделать вывод, что в канун Октябрьского переворота 1917 г. для большинства россиян частная собственность еще не стала традицией. Реформы П.А. Столыпина не успели трансформировать члена сельской общины в независимого фермера. Другими словами, Россия не прошла тот путь от традиционного общества к феодальному, и от него к капиталистическому, который проделали страны европейского цивилизационного ареала. Привнесенный же с Запада социализм был трансформирован в парадигматику традиционных крестьянских представлений о правильной жизни. Поэтому большевизм получил (в отличие от европейских стран) серьезную социальную базу в России.

Институциональная теория социально-экономического развития

Существенным дополнением к изложенным позициям является институциональная теория хозяйственного развития России новосибирского экономиста и социолога О.Э. Бессоновой. Под хозяйственной системой она понимает систему отношений, определяемую институциональным ядром, в рамках которых общество производит средства к своему существованию. Институциональное ядро образуют институты, обеспечивающие всю полно-

ту правил и ограничений, в которых протекает хозяйственная жизнь общества и в которых общество осуществляет свою жизнедеятельность. Институты, подчеркивает Бессонова, представляют своего рода генную структуру общества, в том числе и хозяйственной деятельности. Отсюда следует, что прошлое хозяйственного развития можно рассматривать как жизненный цикл хозяйственной системы. Центральным для ее концепции является предположение, что наряду с рыночными экономическими системами существуют отличные от них, но столь же жизнеспособные и имеющие собственные законы развития раздаточные экономики.

Бессонова отвергает формационную марксистскую парадигму как не отражающую специфических особенностей социально-экономического развития России. Правда, она почему-то выносит за пределы марксистской парадигматики идущую от самого Маркса линию на рассмотрение других, не европейских типов социально-экономических систем и не сводящую историю человечества к пяти формациям (это упрощение относится скорее к советской модификации марксизма). Гораздо выше Бессонова оценивает цивилизационную парадигму, которая, как она признает, в отличие от формационной позволяет значительно лучше осмыслить общественное и хозяйственное развитие России. Однако она недостаточна для выявления закономерностей хозяйственного и общественного развития России, поскольку слишком «философична», но все же дает правильные методологические ориентиры. (Мы не будем здесь останавливаться на критической оценке других подходов, во многом неадекватно воспринятых О.Э. Бессоновой).

Собственно авторская теория строится, с одной стороны, на цивилизационной теории развития, а, с другой, на теории государственнической (стейтистской, азиатской) социально-экономической системы. В ней прослеживается влияние выдающегося институционалиста Карла Поляни (в частности, его концепции отношений редистрибуции) и отечественных авторов по проблемам азиатского способа производства, в частности Е.Н. Старикова (Стариков 1990; 1996).

Предлагаемая Бессоновой институциональная теория хозяйственного развития России основывается на предположении, что экономика России имеет природу раздаточной системы на протяжении всей своей истории с IX по XX в., а экономическая эволюция страны есть эволюция институтов раздаточной экономики.

Под раздаточной экономикой понимается такая экономическая система, которая обладает следующими признаками:

- собственность носит общественно-служебный характер, она распределяется между всеми и не принадлежит в полном объеме никому, доступ к ней осуществляется в форме служб;
- в основе экономической организации лежит служебный труд, который носит обязательный характер и означает выполнение предписанных обществом функций;
- обеспечение материальных условий для выполнения служебных обязанностей создается через институт раздач;
- выполнение производственных задач и формирование общественного богатства происходит через институт сдач, которым обеспечивается обратная передача материальных благ, услуг и ресурсов от всех хозяйственных субъектов в распоряжение всего общества;

- сигналы обратной связи передаются посредством института административных жалоб;
- механизмом координации сдаточно-раздаточных потоков служит система управления и финансовые институты.

Фундаментальный принцип раздаточной экономики состоит в законе (механизме) сдач-раздач, предполагающем, что любой раздаче сопутствует сдача, т.е. это две стороны одного экономического отношения; что каждый субъект стремится к максимизации своей доли как разнице между полученными раздачами и произведенными сдачами; что на уровне общества существует стремление к балансированию потоков сдач-раздач.

На протяжении всех циклов российской истории с IX в. по XX в. развивалась и функционировала раздаточная экономика. Однако в каждом цикле (конец IX в. – XIII в., конец XIV в. – середина XIX в., 1920 – 1980 гг.) существовала своя форма воплощения раздаточной экономики. В «створе» между этими основными периодами русской истории существовали переходные периоды, во время которых получали распространение элементы, сходные с европейскими институтами того же времени, возникала частная собственность, распространялись товарно-денежные отношения. В основные же периоды господствует общественно-служебная собственность и сдаточно-раздаточные отношения. Поскольку «чистых» экономик не существует, на каждом этапе присутствовала определенная доля отношений из противоположной системы, то есть в рыночных — раздаточных, в раздаточных — рыночных. В длительные переходные периоды происходит жесткая конфронтация неформально существующей раздаточной среды и формально распространенной рыночной. В чередовании основных раздаточных и переходных квазирыночных периодов и выражается своеобразие траектории хозяйственного развития России как евроазиатской цивилизации.

По мнению Бессоновой, России и в обозримом будущем не уйти от раздаточной системы. В результате всех событий последних лет в стране формируется институциональная основа «либерального раздатка», т.е. такой системы экономических отношений, в которой (при сохранении своей сущности) институциональное ядро раздаточной экономики воплотится в либерально-экономические формы. К этим формам относятся договорная модель управления, бюджетное регулирование, хозяйственная независимость основных экономических объектов ограниченно встроенного института рыночной торговли и частного предпринимательства (Бессонова 1999: 245–278; Бессонова 2006).

Не сложно заметить, что по системообразующим характеристикам концептуальная модель Бессоновой, наряду с родственными моделями, взаимосвязывающими государственническую социально-экономическую систему, доминировавшую на протяжении большей части российской истории, современный этакратизм и государственный (азиатский) способ производства, содействует раскрытию латентной сущности российской социетальности.

При всей осторожности в формулировании конечных выводов и Р.М. Нуреев, известный отечественный институционалист, в своих публикациях не мог не отметить, что в дореволюционной России то ли существовал азиатский способ производства как таковой, то ли феодализм с элементами восточного деспотизма. В любом случае имела место «мощная азиатская традиция, органически связанная с институтом власти-собственности» (Нуреев 2001: 8).

Как отмечает А.Н. Медушевский, опираясь на великолепные работы выдающегося русского историка П.Н. Милокова, реконструировать всю логику развития системы земельных отношений в России значит показать связь земли и службы. Руси — России было присуще специфическое (пульсирующее) развитие общества, состоявшее в закреплении и раскреплении сословий государством. Данная концепция, разработанная в XIX — начале XX вв. либеральной академической историографией, являет собой пример реального научного прогноза, в котором утверждается возможность воспроизводства в будущем параметров поземельных отношений, уже имевшихся в прошлом. Универсальностью этих параметров объясняется поразительный факт, зафиксированный П.Н. Милоковым: русская история XX в. ближе к истории XVII в. и, возможно, XVIII в., чем XIX в. Аграрная революция начала XX в., сняв тонкий налет европейского гражданского права, вернула ситуацию к историческим архетипам служилого государства со свойственным для него огосударствлением земельного ресурса, полным растворением частного права в публичном (Милоков 2000). На этой основе стало возможным фактическое восстановление квазисословной системы, установление связи земли и службы (закрепление сословий государством), формирование особого служилого слоя (номенклатуры). Можно констатировать, что данная концепция позволяет объяснить, почему вопрос о радикальном изменении форм собственности возникал в российской истории с регулярной периодичностью на этапах крупных реформ и столь же регулярно отодвигался в сторону в застойное время (Медушевский 2007: 75).

Традиционные политические институты Московской Руси — России

О традиционных политических институтах Московской Руси — России как предпосылках советского и постсоветского политических режимов пишет такой известный автор, как В.М. Межуев. По его мнению, власть в постсоветской России, при всем ее отличии от монархической и большевистской, обладает чертами удивительного сходства с последними: «В русском языке есть, пожалуй, слово, способное служить наименованием этой традиции. Слово это — самовластие, семантически близкое к понятию “авторитаризм”», но с более понятным для нас русским оттенком. Оно — лишь иное название русской власти, загадку которой пытается постичь не одно поколение исследователей русской истории...

...В России за пределами власти нет никакого общества, а есть только народ — безликая, однородная и безгласная этническая или конфессиональная (православный народ) общность» (Межуев 2000: 94, 95).

В то же время и с не меньшим основанием немногочисленные авторы обосновывают наличие в национальной традиции слабой, но устойчивой линии на европейские политические институты, в частности, выборные начала, сочетавшиеся с российской государственностью. Здесь прослеживается ниточка от вечевых собраний и выборных глав городских общин в домонгольской Руси, сохранившихся вплоть до XVI в. в Новгородской республике и Пскове, а в городах Московской Руси — до конца XIV в.; в XVI в. сложились две системы выборных учреждений — земской и губной; венцом выборных институтов в допетровской России были Земские соборы XVI – XVII вв.; даже в императорской России существовали выборные преимущественно сословные органы управления, среди которых следует особо выделить

общинное самоуправление у крестьянства (Ерошкин 1983; Медушевский 1998; Черепнин 1978).

Как пишет А.П. Страхов, развитое сословное самоуправление не переросло «в реально действующие органы власти, ограничивающие свободу действий правительства, как это было на Западе.

...именно реализация традиционной модели самовластного правления в сочетании с самодостаточной жизнью крестьянского мира, сложившейся в силу особенностей исторического и экономического развития и закрепившейся в политической культуре народа, не позволила развиваться действенным представительным органам власти» (Страхов 1999).

Во многих работах А. Янова, с опорой на реальные данные об определенных этапах постордынской истории Руси — России (времен, например, Ивана III), обосновывается идея о борьбе в русской политической истории двух традиций — европейской и патерналистской («назови ее хоть евразийской, монгольской или византийской»). Он пишет: «Упустите хоть на минуту из виду этот роковой дуализм русской политической традиции, и вы просто не сможете объяснить внезапный и насильственный сдвиг цивилизационной парадигмы России от европейской, заданной ей в 1480-е Иваном III Великим, к патерналистской — после самодержавной революции Грозного царя в 1560-е (в результате которой страна, совсем как в 1917-м, неожиданно утратила не только свой традиционный политический курс, но и саму европейскую идентичность). Не сможете вы объяснить и то, что произошло полтора столетия спустя. А именно столь же катастрофический и насильственный обратный сдвиг к европейской парадигме при Петре. ...И все лишь затем, чтоб еще через два столетия настиг ее новый гигантский взмах исторического “маятника”, и она, по сути, вернулась в 1917 г. к парадигме Грозного, опять утратив европейскую идентичность. А потом всего лишь три поколения спустя новый взмах “маятника” в 1991-м. Как объясните вы эту странную динамику русской истории, не допустив, что работают в ней две противоположные традиции?» (Янов 2001: 20; см. также Янов 1999).

Европа или Евразия: колебания исторического маятника

Отнесение России к обществам этатистского (этакратического) типа дает лишь первое приближение к объясняющей концепции специфики социетальной системы, особенностей человеческих ресурсов, экономической культуры, трудовой этики, производственного поведения, менеджмента. Обращение к работам социальных философов, историков, социологов дает возможность вычленив Россию и русских из общей массы стран и народов с этатистской исторической судьбой, перейти от слишком обобщенной типологии (Запад—Восток) к типологии локальных цивилизаций. В каждый момент времени существует некая совокупность локальных цивилизаций, которые обычно выстраиваются вокруг мировых религий. В этом контексте Россию можно уверенно отнести к православной цивилизации, в которой она столетиями занимала лидирующие позиции (Хантингтон 2003: 5; Пас-тухов 1992: 59–75; Межуев 2001: 587–601).

С точки зрения преемственности русской религиозности как важнейшей стороны российской цивилизации задолго до современных отечественных авторов подошел к оцениванию советской системы выдающийся наш философ, эмигрант поневоле Н.А. Бердяев. В своей книге «Истоки и смысл

русского коммунизма», опубликованной первоначально на иностранных языках в 1937 г., а на русском — в Париже в 1955 г., он писал: «Русское коммунистическое государство есть единственный в мире тип тоталитарного государства, основанного на диктатуре мирозерцания, на ортодоксальной доктрине, обязательной для всего народа... Старая русская автократическая монархия имела корни в религиозных верованиях народа, она себя признавала и оправдывала, как теократию, как священное царство. Новое русское коммунистическое государство тоже автократично и тоже имеет корни в верованиях народа, в новых верованиях рабоче-крестьянских масс, оно тоже признает себя и оправдывает, как священное царство, как обратную теократию... Советское коммунистическое царство имеет большое сходство по своей духовной конструкции с московским православным царством. В нем то же удущье» (Бердяев 1990: 117). И отсюда центральная для всей его книги мысль — советско-коммунистическая система определена всем ходом русской истории, она соответствует исконным русским традициям и «русским исканиям универсальной социальной правды», «и русским методам управления и властвования насилием» (Бердяев 1990: 93).

Не менее определен в своих суждениях современный политолог В.Б. Пастухов. В своих публикациях, начиная с 1992 г., он утверждает, что российский коммунизм выглядит аномалией лишь в рамках западной культурной ориентации. Для России же это была исторически логическая фаза ее развития. Распад коммунистической системы означает начало новой фазы эволюции специфической евразийской цивилизации (Пастухов 1994: 7). Он утверждает, что теория евразийства может содействовать решению вопроса относительно характера происходящих в российском обществе перемен: означают ли они движение в направлении вестернизации, преодоления этакратизма или формирование особой социальной реальности (Пастухов 1992).

Россия, по всей своей истории и географии, столетиями являлась евразийским обществом, то стремившимся сблизиться со своими европейскими соседями, то тяготевшим по всему строю жизни к азиатскому миру. Представляется, что важным системным элементом анализа транзитивных процессов в современной России может стать теория евразийства (Н. Савицкий, Н. Трубецкой, Л. Гумилев и др.). Евразийцы полагали, что Россия это Евразия, а не только Европа. Следствием данного географического фактора явился этнический состав населения страны, в который входят наряду со славянами тюркские и другие неевропейские народы. Этой реальности не соответствовала ориентация верхнего класса России исключительно на Европу (Русский узел евразийства 1997; Гумилев 1993). Много лет назад Ю.М. Лотман высказал интересную мысль: евразийство формировалось «по западную сторону границы, отделявшей оседлую европейскую цивилизацию от ВЕЛИКОЙ СТЕПИ, и по восточную сторону от конфессиональной границы, разделявшей истинное и еретическое христианство. Русь одновременно осознавала себя и центром мира, и его периферией, одновременно ориентировалась на изоляцию и интеграцию» (Лотман 1972: 5– 6).

Исторически сложившиеся тенденции развития страны объясняют, почему именно в России на собственной национальной почве, не привнесенный извне, победил режим, сломивший буржуазное, собственническое общество, складывавшееся в стране, приведший к торжеству этакратической (неоазиатской) линии развития.

Длительный период существования этакратического общества во многом определил пути развития форм жизнедеятельности в советской и современной России. С одной стороны, возрастающая глобализация мировых экономических и общественных процессов, современный уровень развития средств массовой коммуникации не могли не привести к присвоению этакратическим обществом новейших форм и достижений цивилизации (это касается организации городского пространства, транспорта, архитектурных решений, элементов социального обслуживания и др.). В то же время разрыв социально значимых горизонтальных связей, неразвитость инфраструктуры личностного развития, отсутствие права на свободный выбор моделей жизни, деприватизация практически всех сторон жизнедеятельности привели к воспроизводству среднетипических, «усредненных» индивидов. Без малого столетие развития страны после событий 1917–1920 гг. было, с одной стороны, торжеством воспроизводства «азиатских» исторических напластований, но, с другой стороны (под влиянием новых технологий производства и всей жизнедеятельности, лившихся потоком из-за рубежа и рождавшихся на отечественной почве) — это был мучительный процесс расширения и укрепления базы становления готовности к рынку и гражданскому обществу. Представляется, что данная концепция вполне согласуется с реальными фактами развития России и других государств на территории бывшего СССР, за исключением стран Балтии, в советский и постсоветский периоды.

Деятели культуры Запаदा Россия, как правило, воспринималась как страна иного, неевропейского порядка. Так, Г. Гегель даже не включал русских в свой перечень «христианских народов Европы». Многие наблюдатели приходили к выводу, что Россия — некий евразийский гибрид, в котором нет четких признаков ни той, ни другой части света. Освальд Шпенглер утверждал, что Россия — кентавр с европейской головой и азиатским туловищем. С победой большевизма «Азия отвоевывает Россию, после того как Европа аннексировала ее в лице Петра Великого» (Шпенглер 1993: 110). Заметим, что Шпенглер, по справедливому суждению П.А. Сорокина, в своей философии истории и в оценке России повторял все основополагающие постулаты Н.Я. Данилевского (Sorokin 1950: 359; Пивоваров 1992: 167–168).

Согласно мнению выдающегося английского историка XX в. Арнольда Тойнби, Россия «есть часть общемирового незападного большинства». Русские никогда не принадлежали к западному христианству. «Восточное и западное христианство всегда были чужды друг другу, антипатичны и часто враждебны, что, к несчастью, мы и сегодня наблюдаем в отношениях России с Западом, хотя обе стороны находятся в так называемой постхристианской стадии своей истории» (Тойнби 1995: 156). Тойнби считал, что «почти тысячу лет» русские «принадлежали не к нашей Западной цивилизации, но к византийской — сестринскому обществу того же греко-римского происхождения, но тем не менее совершенно другой цивилизации» (Там же: 106).

Подводя определенный итог суждениям о российской цивилизации, уже упоминавшийся С. Хантингтон писал: «Некоторые ученые выделяют отдельную православную цивилизацию с центром в России, отличную от западного христианского мира по причине своих византийских корней, двухсот лет татарского ига, бюрократического деспотизма и ограниченного влияния на нее Возрождения, Реформации, Просвещения и других значительных событий, имевших место на Западе» (Хантингтон 2003: 56).

В России в кругах социальных исследователей доминирующую позицию занимала и занимает концепция принадлежности страны к семье европейских народов. Обычно авторы подчеркивают, что Россия — страна европейской культуры и ориентирована на работу европейских институтов, при этом получила распространение идея принадлежности России к так называемой «второй» или «другой» Европе. Концепция «второй» Европы связана с выделением эшелонов капиталистического развития. Под «первой» Европой подразумевается регион классического капитализма, включающий Западную Европу и Северную Америку, где переход от средневековья к современности совершился под влиянием внутренних органических процессов. К странам «второй» Европы относят Португалию, юг Италии, Грецию, Россию, то есть страны, позже и менее органично вступившие на путь модернизации. При этом делается вывод, что нет и не может быть сомнений в европейской идентичности этих стран «другой» Европы. С наибольшей глубиной и основательностью эта концепция была развита в превосходных публикациях В.Г.Федотовой, в частности, в ее монографии «Модернизация “другой” Европы» (Федотова 1997; см. также Кара-Мурза 2002).

А каково восприятие современными россиянами своего места в мире, рассматривают ли они себя частью европейского мира? Следует заметить, что сами наши соотечественники после массивной атаки mass media в конце 1980-х—начале 1990-х гг. о принадлежности России к европейской, западной цивилизации, при колебаниях в оценках западного образа жизни, устойчиво предпочитали ориентацию на традиции и особенности России, на глубоко изученный национальный исторический опыт в противовес следованию «чужим образцам». Согласно данным опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» в 2005 г., лишь 5% респондентов сочли, что культура и ценности европейцев и россиян не различаются, 21% полагали, что различия невелики, но 63% поддержали позицию о существенном различии по культуре и ценностям между европейцами и россиянами. Согласно данным опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» в 2005 г., лишь 5% респондентов сочли, что культура и ценности европейцев и россиян не различаются, 21% полагали, что различия невелики, но 63% поддержали позицию о существенном различии по культуре и ценностям между европейцами и россиянами. Такую же позицию при опросе, проведенном ВЦИОМ в 2000 г., заняли также 63% респондентов. На вопрос: «Ощущаете ли Вы себя европейцем?» в опросах 1995–1997 гг. ответили «Часто» — 9–12%; «Иногда» — 13–16%; «Редко» — 17–18%; «Никогда» — 52–57%. На вопрос: «В какой мере для России подходит западный вариант общественного устройства?» в опросе 2000 г. (ВЦИОМ, Ю.А. Левада) признали этот вариант универсальным образцом всего лишь 4% респондентов, а сочли его совершенно или не вполне подходящим 67% наших сограждан. Для западнически ориентированного автора статьи, откуда я позаимствовал эти данные, они являются свидетельством реакции опрошенных, точнее, их большинства, на собственную несостоятельность, в условиях прорыночных реформ. Думается, что здесь мы скорее имеем дело с адекватным и неситуативным восприятием действительности, более реалистичным, чем у идеологов проводившихся реформ (Дубин 2003: 137–153).

По данным известного знатока России С. Уайта (Университет Глазго), опиравшегося на материалы представительных опросов 2005–2006 гг.,

даже в сопоставлении с жителями Белоруссии и Украины русские гораздо в большей степени являются сторонниками своего собственного пути развития (59% против 49% и 49% соответственно у украинцев и белорусов). Сторонниками общего с европейскими странами пути развития являются 25% русских, 31% украинцев и 40% белорусов. Кстати говоря, и на вопрос о том, должно ли государство нести ответственность за благополучие домохозяйств, в отличие от русских большинство белорусов оказались приверженцами той точки зрения, что ответственность должна лежать на самом домохозяйстве. В то время как большая часть населения России сожалеет о распаде СССР, белорусы и украинцы в менее чем половине случаев сожалеют о распаде СССР и реже поддерживают идею о создании единого государства на территории СНГ (Уайт 2007: 40–46). На вопрос: «Ощущаете ли Вы себя европейцем?» в опросах 1995–1997 гг. ответили «Часто» — 9–12%; «Иногда» — 13–16%; «Редко» — 17–8%; «Никогда» — 52–57%.

Следует постоянно держать в памяти, что многое в истории и перспективах развития России задано. Мы никуда не уйдем от менталитета россиянина, доминантно представленного восточным христианством, причем в его русской версии. Не уйдем от национальной культуры со следами влияний восточных культур, того, что многими историками называлось «взаимодействием леса со степью», влиянием монгольского ига и последующих воздействий кочевых народов, соприкасавшихся с русской оседлой цивилизацией. Можно вспомнить и более близкие времена: чрезвычайно позднее освобождение крестьянства и искусственное торможение ликвидации общинных отношений, практическое отсутствие в истории страны институтов гражданского общества. Можно также вспомнить о традиционности существования в стране крупнейших в мире предприятий, оправданных не экономически, а политико-организационно в условиях милитаризма. Все эти и многие другие не названные мной факторы, относящиеся ко всем сторонам жизни и складывавшиеся столетиями и десятилетиями, остаются с нами. Они укоренены в повседневности, и их нельзя не учитывать при выборе вариантов развития России.

Литература

- Аузан А.А. Кризис ожиданий и варианты социального контракта // *Общественные науки и современность*. 2004. № 5.
- Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
- Бессонова О.Э. Институциональная теория развития России // *Социальная траектория реформируемой России*. Новосибирск: Наука, 1999.
- Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России. Эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006.
- Васильев Л.С. Феномен власти-собственности // *Типы общественных отношений на Востоке в Средние века*. М.: Наука, 1982.
- Васильев Л.С. История Востока. Т. 1 (Вводная часть. Сущность проблематики). М.: Высшая школа, 1994.
- Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М.: Экспресс, 1993.
- Дубин Б. Запад для внутреннего употребления // *КОСМОПОЛИС*. 2003. № 1 (3).
- Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1983.
- Кара-Мурза С. Европоцентризм — эдипов комплекс интеллигенции. М.: Эксмо, Алгоритм-Кн., 2002.

- Ключевский В.О. История сословий в России. Издание третье. Петроград: Лит.-изд. отдел Комиссариата народного просвещения, 1918.
- Лотман Ю. Труды по знаковым системам. Тарту, 1972. Вып. 15.
- Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1998.
- Медушевский А.Н. Аграрные реформы в России: проекты и реализация // Мир России. 2007. № 1.
- Межуев В. Традиция самовластия в современной России // Свободная мысль. 2000. № 4.
- Межуев В. Российская цивилизация — утопия или реальность / Постиндустриальный мир и Россия. Отв. ред.: Хорос В.Г., Красильщиков В.А. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Миллюков П.Н. Историк, политик, дипломат. М.: Российская политическая энциклопедия, 2000.
- Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи. XVIII — начало XX в.: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1–2. 2-е изд. СПб.: Дмитрий Булавин, 2000.
- Нуреев Р.М. Экономический строй докапиталистических формаций. Душанбе, 1989.
- Нуреев Р.М. Социальные субъекты постсоветской России: история и современность // Мир России. 2001. № 3.
- Нуреев Р., Рунов А. Россия: неизбежна ли деприватизация? (феномен власти-собственности в исторической перспективе) // Вопросы экономики. 2002. № 6.
- Пайпс Р. Собственность и свобода. М.: Московская школа политических исследований, 2000.
- Пастухов В.Б. Посткоммунизм как логическая фаза развития евразийской цивилизации // Полис. 1992. № 5–6.
- Пивоваров Ю.С. Николай Данилевский: в русской культуре и в мировой науке // Мир России. 1992. № 1.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская Система и реформы // Pro et Contra. Т. 4. № 4. 1999а.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская власть, русская система, русская история // Красные холмы. Альманах. М.: Издательский дом «Городская собственность», 1999б.
- Русский узел евразийства: Восток в русской мысли. Сб. трудов евразийцев. М., 1997.
- Собственность на землю в России: история и современность / Под общ. ред. Д.Ф. Аяцкова. М.: РОСПЭН, 2002.
- Стариков Е.Н. Новые элементы социальной структуры // Коммунист. 1990. № 5.
- Стариков Е.Н. Общество-казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996.
- Страхов А.П. Глубокие корни: Выборное начало и российская государственность // Свободная мысль. 1999. № 5.
- Тойнби А. Цивилизация перед судом истории / Сб. СПб.: ЮВЕНТА, 1995.
- Уайт С. Прошлое и будущее: тоска по коммунизму и ее последствия в России, Белоруссии и Украине // Мир России. 2007. № 2.
- Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М.: Институт философии РАН, 1997.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. М.: Издательство АСТ, 2003.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и Россия // Московские новости. 1995. № 5. 22–29 января.
- Черепнин Л.В. Земские Соборы русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978.
- Шкаратан О.И. Российский порядок: вектор перемен. М.: ВИТА Пресс, 2004.
- Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М., 1993.
- Янов А. Россия против России: Очерки истории русского национализма. 1825–1921. Новосибирск, 1999.
- Янов А. Россия: у истоков трагедии. 1462–1584. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Sorokin P. Social Philosophies of an Age Crisis. Boston: The Beacon Press, 1950.